ЧЕРНОБЫЛЬ. РЕАЛЬНЫЙ МИР
СЕРГЕЙ МИРНЫЙ
ЛИКВИДАТОРЫ
ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КОМЕДИЯ

Сергей Мирный

Ликвидаторы. Чернобыльская комедия

Серия «Чернобыль. Реальный мир»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3084255
Мирный С. Ликвидаторы. Чернобыльская комедия: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-48555-0

Аннотация

Мирное утро 27 апреля 1986 года. Жители городка Припять готовятся к первомайским праздникам, но в это время в город втягиваются колонны автобусов. Начинается всеобщая эвакуация Чернобыльской Зоны… Он – вчерашний выпускник химфака, а теперь офицер радиационной разведки. Она – местная жительница, первая красавица, вынужденная состричь наголо свои роскошные волосы. Но любовь, вспыхнувшая между ними, оказалась сильнее взрыва на четвертом энергоблоке…

Чернобыльская трагедия обернулась комедией – смешной и драматической историей о реальной Зоне, где каждый может стать сталкером! Даже вопреки желанию…

Новая книга о Чернобыльской Зоне от автора бестселлера «Живая сила. Дневник ликвидатора»!

Содержание

Зачин 4
Часть первая 6
Новелла-вступление 6
Открытие[5] 13
Новелла первая 16
«Куча 1»[10] 33
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Сергей Мирный
Ликвидаторы. Чернобыльская комедия

Думал, думал… «Жить – нельзя». Осмотрелся – «Можно!»
Украинская поговорка

Роман написан на основе подлинных чернобыльских событий, обстоятельств, уровней радиации, доз облучения и их эффектов. Все упомянутые персонажи и учреждения выдуманы, их возможное сходство с реально существующими случайно.

Зачин
Веснянка

Ранняя весна.

День, полный прозрачного света.

Солнышко согревает узловатые ветви старых дубов на холме. Снег уже начал подтаивать, в разрывах его белизны – гривки пожухлой травы, песчаная земля…

На вершине холма стоит стайка девочек-подростков. На них – пальто, курточки из синтетики. Но в одежде каждой обязательно есть какой-нибудь старинный предмет этой местности – Полесья: на одной это бусы, на другой – вышитая рубашка, на третьей – наверное, еще бабушкина юбка…

Девчонки здесь, похоже, неспроста.

Подталкивают друг друга: «Ну, давай!» – «Нет, ты давай!» – «Ну, начинай!» – «Нет, давай ты!» – «Ну, начинайте уже!» – «Ну – вместе, что ли?!». Стоят, смотрят вокруг – на заснеженное село, на лес вокруг него, на реку с одной стороны, на бескрайнее водное пространство – с другой…

…и, вдруг став серьезными, неожиданно во всю силу своих легких начинают орать веснянку.

ОРАТЬ – потому что тут так заведено: уже тысячи лет на этом холме так выкрикивали в звонкое весеннее пространство свой «эндокринный взрыв» девочки-подростки, призывая весну – прийти…

Языческий, древний крик-пение – на каком-то странном языке: не украинском, не русском, не белорусском – и похожим на все три одновременно[1]…

Пронзительные, наполненные дикой жаждой жизни звуки звонко звучат в пространстве…

Девчонка-подросток с косичкой из каштановых волос, украшенной цветастой лентой, взобралась на кучу хвороста, присыпанную снегом, – выше всех!..

…и – хрусть! – проваливается в эту подтаявшую кучу почти по шею!

Ее растерянное раскрасневшееся личико среди обледенелых хворостин – и безудержный, звонкий хохот ее ровесниц…

…над селом…

…рекой…

[1] Чернобыльский район Полесья – едва ли не единственное место Земли, где по цепи поколений, от человека к человеку, сквозь тысячелетия дошли до нас древнейшие, еще дохристианские веснянки: их текст, мелодия, манера исполнения.

…холмом – над дубовыми крестами на нем, над пирамидками со звездами, над безымянными белыми бугорками с влажными темными проталинами наверху…

Неукротимые, жаждущие новой жизни звуки чернобыльской веснянки звучат в пронизанном светом воздухе над заснеженными могилами сельского кладбища, на самом высоком месте Лебедич – древнего села у слияния рек Припяти и Днепра…

– Окса-а-ан-а! Да иди ж обедать! – доносится издалека, от хаты голос бабушки…

В этот день в 25 километрах на северо-запад от этого холма – в еще мерзлую землю был вбит первый колышек под строительство гигантского высокотехнологичного сооружения, которое изменит ход развития земной цивилизации…

Часть первая
Ликвидация последствий

Я есть народ, и моей правды сила
побеждена ни разу не была.
Павло Тычина

Новелла-вступление
Взрыв

– Бог мой! И все это – всего лишь из-за одного частично разрушенного дома!
Роберт Гейл

Ночь. Огромный пруд. На пологом песчаном берегу – рыбалка в полном разгаре.

Клев – отличный! Еще одна большая рыбина, серебристо трепыхаясь, оказывается у рыбака и скользит из его рук, плеснув напоследок хвостом, в сетку с уловом в воде.

Неподалеку двое его соседей тоже дергают одну за другой.

ПЕРВЫЙ СОСЕД: Классная сегодня рыбалка…

ВТОРОЙ СОСЕД: Сплюнь!..

Опять клюет! Рыбак – весь внимание! Не упустить момент!

…ЩЕЛК! – над водоемом эхом разносится громкий звук гигантских электрических переключателей…

Все головы – в ту сторону!.. Там, за водоемом, на расстоянии – маячат большие темные индустриальные здания…

…ВЗРЫВ! – Над строением огненно-черный шар взлетает к самому верху 150-метровой трубы!.. Словно выброс из вулкана… Земля содрогается…

Грохот… Эхо по воде.

Рыбак замирает. Его соседи вскочили на ноги.

Секунда-другая – все напряжены…

…БА-БА-А-АХ! Новый взрыв!

Шар огня – вдвое выше трубы!..

Грохот… Перекатывается над водой эхо. Снова содрогается почва…

Облако над сооружением приобретает форму гриба…

ПЕРВЫЙ СОСЕД (*втянул голову в плечи*): *Атомный?*

РЫБАК (*выходит из оцепенения*): При ядерном – «нас бы уже тут не стояло»… (*Быстро вытягивает снасть.*)

Гриб поднимается выше… распространяется в стороны, вверх… блекнет… Тишина. Над местом взрыва – отблески огня.

Рыбак быстро вытягивает снасти, кое-как наматывает леску…

ПЕРВЫЙ СОСЕД (*успокаиваясь, к напарнику*): Ничего себе бабахнуло…

ВТОРОЙ СОСЕД (*рыбаку*): А что это?

РЫБАК: У нас на станции… Сматывайте удочки, мужики… А то вы тут наловите… (*Торопливо запихивает снасти в рюкзак.*)

ПЕРВЫЙ СОСЕД: Ты там работаешь?

ВТОРОЙ СОСЕД (*в шутку*): Смотри – без рабочего места останешься…

РЫБАК: Да если б только это…

ПЕРВЫЙ СОСЕД: Э-э… А еще… будет?

РЫБАК: Не знаю. Теперь – ничего не знаю… (*Со злостью.*) Сказал же – сматывайтесь!

Оглядывается – не забыл чего? – рюкзак на плечи – и стремительно вверх.

Соседи переглядываются.

ПЕРВЫЙ СОСЕД: Н-ну… а мы как?

ВТОРОЙ СОСЕД: Ему хорошо, он местный – у них этот пруд всегда под боком… А мы когда еще сюда выберемся? Такой клев… (*С сожалением смотрит вокруг.*) Везет им… Знаешь, сколько они здесь на АЭС зарабатывают? Деньги лопатами гребут!

Размахивается и закидывает снасть.

Его напарник, чуть посомневавшись, закидывает тоже.

ПЕРВЫЙ СОСЕД: Перестало клевать…

ВТОРОЙ СОСЕД: *Такую рыбалку пересрали…*

…Феерическое зрелище – два горящих ядерных реактора: один – в темноте ночи, другой – в темной воде: огненное отражение…

Год 1986. Месяц апрель, число 26-е. 1 час 24 минуты ночи.

Пруд-охладитель, Чернобыльская АЭС, Украинская Советская Социалистическая Республика, Союз Советских Социалистических Республик.

…Трепыхается на мелководье забытый в сетке улов…

Утро. Светает. К комплексу индустриальных зданий Чернобыльской АЭС приближается вертолет, идет на снижение…

Руина большого, высокого промышленного строения – раскрытая сверху, почерневшая, выгоревшая внутри; из нее торчат, как хворост, куски трубопроводов, стальной арматуры; рядом на крышах разбросаны обломки бетона, металлических конструкций, большие черные «кирпичи» блоков графита, огрызки удлиненных трубчатых топливных элементов; такие же обломки усеяли землю вокруг…

Вертолет кружит над тем, что несколько часов тому назад было работающим 4-м ядерным реактором Чернобыльской АЭС. Щелкает затвор фотоаппарата.

Черный пролом…

…из него клубится дым…

…струится горячий воздух…

…на дне адски сияет раскаленная, обнаженная радиоактивная масса.

Ясный весенний день. Весело мчится автобус.

Оксана – двадцатилетняя девушка – выдвигается из окна, радуясь теплу, весне, молодости… На поверхность вырывается темно-русая коса – густая, тугая, она трепещется на ветру.

Автобус мчится по трассе Припять – Чернобыль. С обеих сторон – густой сосновый бор. Проезжает поворот, на его обочине – бетонный несколькометровый раскрашенный факел – эмблема Чернобыльской атомной электрической станции. Над верхушками зеленых сосен белеет высокий и длинный турбинный зал атомной электростанции.

Оксана ловит косу и прячет ее в узкое окошко, со смехом говорит что-то внутрь автобуса.

Цветут яблони в садах села Копачи – роскошно, пышно, величаво.

Какая тут красивая земля!

Полдень. Юный современный город.

По его улице между разноцветных легковых автомобилей движется… грязно-зеленая масса на колесах – большая и угловатая: броневик радиационной, химической и бактериологической разведки.

На тротуаре молодой человек гуляет с дочкой. Обеспокоенно смотрит вслед бронемашине.

Обращается с вопросом к двум милиционерам, которые идут навстречу. Те отвечают: «Да все нормально. А в чем дело, собственно?»

Милиционеры одеты в серые резиновые защитные куртки и белые респираторы. Неспешно идут дальше по тротуару.

Молодой человек оглядывается на них…

Это документальные цветные кадры любительской съемки.

Город Припять. Расстояние от пролома реактора – полтора километра.

Население – почти 50 тысяч человек, в основном работники АЭС и ее строители, их семьи.

26 апреля 1986 года. Суббота. Выходной день. Трудящиеся отдыхают.

Из освещенного солнцем подъезда столичного номенклатурного дома выходит функционер от медицины, за ним – его жена и дети. Лица прикрыты беленькими респираторами-«лепестками». Садятся в черный лимузин.

Обильно, розово-бело цветет яблоня у их подъезда.

Аэродром. По трапу самолета быстро поднимаются жены, дети и родственники «партайгеноссе»[2]. Все – в респираторах.

У стюардессы – круглые от удивления глаза…

…комично контрастируют с окаменевшей «профулыбкой».

«Члены семейств» быстро и молча проходят мимо – в черный овал входа. Стюардесса оглядывается на трап…

…и ее глаза лезут уже даже не на лоб – а на затылок!

…Ступеньками трапа, смешно переваливаясь с боку на бок, неторопливо поднимается еще один «член семейства» – кривоногая коричневая такса…

...ТОЖЕ В РЕСПИРАТОРЕ!

Документальные цветные кадры любительской съемки.

Рассредоточиваются по городу автобусы «ЛАЗы»[3] – медленно, словно хищные щуки в зарослях: из красивейших зеленых проспектов – на улицы – в аллеи – к подъездам многоквартирных домов…

Доносится из репродукторов объявление – неестественно-ровный, безжизненный голос женщины-украинки, старательно и четко произносящий русские слова:

«В связи с аварией на Чернобыльской атомной электростанции в городе Припяти складывается неблагоприятная радиационная обстановка. С целью обеспечения полной безопасности людей и в первую очередь детей возникает необходимость провести временную эвакуацию жителей города в близлежащие населенные пункты Киевской области. Для этого к каждому жилому дому сегодня, 27 апреля, начиная с 14 часов, будут поданы автобусы в сопровождении работников милиции и представителей горисполкома. Рекомендуется с собой взять документы, крайне необходимые вещи, а также на первый случай продукты питания.

---

[2] Партийные товарищи (*нем.*).

[3] Львовский автомобильный завод.

Товарищи! Временно оставляя свое жилье, не забудьте, пожалуйста, закрыть окна, выключить электрические и газовые приборы, перекрыть водопроводные краны. Просим сохранять спокойствие, организованность и порядок при проведении эвакуации».

Жители с вещами ждут подачи автобусов – столпились в подъездах домов. Здесь уровень радиации в десяток раз меньше того, который на улице.

Цепочкой выходят – мимо цветущих яблонь – в раскрытые двери автобуса.

Выходной день – воскресенье, 27 апреля 1986 года. Город Припять.

Большой город за сотни километров от Чернобыльской атомной электрической станции. Хороший солнечный весенний день.

К освещенному солнцем подъезду панельной 9-этажки подходит долговязый мужчина по прозвищу Пат – в тренировочном костюме с обвисшими пузырями на коленях, в руке сеточка-«авоська» с продуктами…

Подъезжает такси, из него выходит офицер.

ОФИЦЕР (*тычет серую бумажку Пату под нос*): Этот на каком этаже проживает? Фамилии не разберешь…

ПАТ (*удивленное лицо*): Это же я…

ОФИЦЕР: Распишись. (*Протягивает ручку; Пат, будто загипнотизированный, расписывается.*) Садись.

ПАТ: Куда? У меня сегодня выходной!

ОФИЦЕР: В машину! Ты что, читать не умеешь? (*Встряхивает бумажкой.*)

ПАТ: Умею…

ОФИЦЕР: Тогда читай!

ПАТ: «Повестка…» Неужели… ВОЙНА? *Ядерная*? Да вы чо, ребята?!

ОФИЦЕР: Да тихо ты, идиот! Дальше читай! «Специальные военные сборы»! В машину давай!

ПАТ: Да я сейчас… Я ж забегу домой, переоденусь…

ОФИЦЕР: В машину! (*Толкает Пата к машине.*) Знаешь, сколько еще у меня таких?!

ПАТ: Да я сейчас… (*Вырывается, тянет офицера за собой, цепляет к спинке скамьи авоську с продуктами, кричит вверх.*) Надюша-а-а! Авоську здесь возьми! Меня на военные сборы забира-ают! Специальные!

ОФИЦЕР: Да не ори ты на весь мир! (*Тянет Пата назад.*) Идиот!

В окне появляется полная Надюша.

НАДЮША: Какие еще сборы перед праздниками? Ты что, очумел? Мы ж к моим на праздники едем, мы же пообещали!

ПАТ (*в дверях такси*): Я все купил, что ты написала! Вон, на скамейке…

НАДЮША: Ты бы меньше с приятелями лясы под магазином точил! Опять вляпался!

Буйно цветет яблоня у скамьи.

Лица «нахватанных» мужчин за стеклом отъезжающего такси. Выглядывают, словно рыбки из аквариума.

На поляне посреди соснового леса.

Отдельными кучками на траве лежит «бэушное» (бывшее в употреблении) военное обмундирование – брюки, гимнастерки, ремни, сапоги, портянки, головные уборы, летние кальсоны, белые нижние рубашки, черные погоны…

Мужчины всех возрастов, собрав себе комплект, уходят и переодеваются: снимают гражданское, остаются голыми, одеваются в военное, заталкивают гражданское в заплечные вещевые мешки из темно-зеленой ткани…

Такси подвозит новых мобилизованных. Выходят, ошалело смотрят вокруг. Не веря тому, что видят, подходят к обшарпанным столикам.

Называют свои фамилии, их отмечают в списках. Идут к кучам обмундирования, продолжая оглядываться…

Пат обалдело хлопает глазами вокруг, чешет внизу живот и подтягивает обвисшие спортивные брюки.

Мордастый заготовитель стоит на длинной грузовой машине-фуре.

Под ней, на земле, – человеческая толпа бушует, и этот откормленный мужик возвышается над селом Лебедичи, как большой начальник на трибуне в день всенародного праздника.

Рядом с ним установлена большая платформа – весы.

По наклонным толстым доскам поднимается на машину упитанная корова.

Заготовитель принимает от населения скот.

ЗАГОТОВИТЕЛЬ (*орет на всю деревню*): Сдавайте, сдавайте! Пока принимаю! Пока деньги есть!.. (*Потрясает пачкой тертых рублей, трешек, пятерок, десяток.*) Сдавайте – пока еще деньги есть! (*Смотрит на весы, двигает грузом по линейке туда-сюда, взвешивает…*) Та-а-ак… 350 килограммов.

ПОЖИЛОЙ КРЕСТЬЯНИН: Какие 350?.. Да ты что?! (*Смотрит на линейку весов снизу, из-под платформы.*) Она же все 450! Еще с чем-то… (*Возмущенно.*) Да ты вообще уже!.. Лучшая корова в селе!

ЗАГОТОВИТЕЛЬ: Ну и оставляй ее тогда себе! «Первая корова на деревне»… Забирай! (*Стегает корову прутом, сгоняя с весов к доскам эстакады.*) Сдавайте, сдавайте! (*Над головами людей, повернувшись к домам.*) Пока у меня еще деньги есть!

ПОЖИЛОЙ КРЕСТЬЯНИН: Да… (*Опускает голову.*) Да давай уже… (*Себе под нос.*) сукин сын… Куда денешься… Прощай, Веселая. Прости меня…

Протянул заскорузлую ладонь вверх, не глядя, взял деньги, которые ему ткнула рука сверху, и, пряча взгляд и от коровы, и от людей, пошел прочь.

В селе Лебедичи идет эвакуация.

Во дворе, полном вишневых деревьев, возле дома – Оксана и ее бабушка спорят. Об одном и том же. В сотый раз.

БАБУШКА: Поезжай, Оксана, ты еще молодая…

ОКСАНА: А вы, бабушка? Все ж едут!

БАБУШКА: А я останусь. За домом присмотрю.

ОКСАНА: И я с вами!

БАБУШКА: Ты уезжай. (*Оксана делает лихорадочные движения.*) А то прокляну. (*Умоляюще.*) Ну поезжай же, Оксанка. Не навек же это… Немцев – и тех пережили…

Трижды целует Оксану, крестит, дает ей уже готовую сумку: «С Богом!»

Возвращается домой, тренированно снимает котомку с гвоздя в притолоке.

Без спешки, уверенно идет огородом по тропинке, привычно забрасывает котомку за плечи и, дойдя до опушки, словно испаряется в лесу…

На центральной улице села автобусы тронулись. Из еще открытых дверей Оксана оглядывается…

Из окон – высовываются лица детей…

И дети, и взрослые смотрят назад: прижались к окнам, расплющили носы о стекло… Словно рыбки в аквариуме.

На фоне их полупризрачных лиц в окнах автобуса отражается, уже как нечто нереальное, их и не их уже село…

Нежно бело-розово цветут вишни в селе Лебедичи.

Под лобовым стеклом автобуса ЛАЗа лежит полиэтиленовый пакет, в нем – кулич и крашеные яйца.

Навстречу по асфальтовой трассе движется военная колонна: среди ясного дня горят фары БРДМов – бронированных разведывательных дозорных машин, – советских джипов УАЗов, армейских грузовиков с брезентовыми прямоугольниками-навесами для людей наверху, с полевыми кухнями на прицепе… В квадратике-окошке первой бронемашины мелькает лицо солдата-водителя…

…Внутри передового БРДМа, под лобовым окошком, – сухой паек: пара буханок хлеба, большая жестяная банка тушенки, покрытая толстым неровным слоем светло-коричневой смазки и кое-как обернутая бумагой – грубой и серой, рядом несколько банок поменьше – «Хамса в томатном соусе».

Навстречу движется колонна автобусов ЛАЗов: один за другим без конца-края наполненные людьми – мужчинами, женщинами, детьми…

…Автобус и передовой БРДМ встречаются – колонны, как поезда, с шумом несутся одна мимо другой: первая – подальше от последствий взрыва, вторая – как можно ближе: в эпицентр…

За мелькающими колоннами – на обочине стоит молодая женщина в домашнем халатике, рядом – мужчина в спортивных брюках и домашних тапочках на босую ногу. Женщина держит за руку ребенка, муж – эмалированный детский горшок… Это все. Больше у них ничего нет.

Мужчина поднимает руку, голосует – снова и снова просит подвезти. Автобусы проносятся, не останавливаясь, – их тени мелькают по женщине, по мужчине, по ребенку…

Город Припять эвакуировали одной колонной. В ней было 1100 автобусов. Она растянулась по трассе на тридцать километров.

Пыль. Цветут сады у дороги.

Огромное тусклое и низкое помещение. Влажный пар висит туманом. До самого потолка – белая блестящая плитка на стенах. Пол из красного кафеля, с множеством заплат из желтого кафеля и серых цементных «пломб», с выбоинами – незаделанными плоскими ямками.

Это баня. Здесь моются эвакуированные женщины, мужчины, дети… ВСЕ ВМЕСТЕ!!!

Никому ни до чего дела нет: все мылятся, моются, трут себя, своих детей – *отмыться, немедленно, как можно быстрее отмыться!*[4]

…В предбаннике на пол падают остриженные волосы – русые, черные, седые… Детские кудрявые… Куча разноцветных волос на полу.

Мужчина отчаянно трет мылом остриженную наголо голову. Идет под душ… К выходу, к «звенелке»… Она звенит. Он возвращается, мылится снова…

Оксана, завернувшись полностью в свою длинную распущенную каштановую косу, тоже подходит к «звенелке». Противный электрический зуммер…

Грубым коричневым бруском мыла Оксана трет шелковистые каштановые волосы… Подходит опять к «звенелке» – металлическому контуру в форме дверного проема, – вся завернувшись в свою косу. Два дозиметриста-медика в белых халатах стоят с «чистой» его стороны. Загорается красная лампа, пронзительно взвывает звук зуммера…

ПОЖИЛОЙ ДОЗИМЕТРИСТ: Состригай косу, дочка. Говорил же тебе сразу…

Оксана упорно трет длинные волосы бруском мыла…

Красное мигание, мерзкий звук зуммера…

[4] Реальное событие, о котором рассказал автору М.А., бывший житель Припяти.

Низенькая широкая скамейка-столик из серой мраморной крошки. Оксана раскладывает на ней волосы и – прядь за прядью – трет их темным грубым мылом, – вся прикрытая водопадом своих освобожденных длинных волос. Похожа на русалку…

Снова – красное мигание, пронзительный зуммер…

…На разномастную кучу волос – на черные, седые, рыжие, на нежные детские, короткие мужские и длинные женские пучки волос – падают, сворачиваясь, как увядающие стебли водяной лилии, длинные каштановые пряди, покрывая собой эту гору…

Оксана – красная от стыда и унижения, с девчачьим лицом и идиотски обчекрыженной прической – трет голову бруском темного мыла.

Красное мигание, пронзительно-мерзкий зуммер…

Машинка, жужжа, стрижет короткую гривку волос…

Темным бруском мыла Оксана трет незагорелую безволосую голову.

Красное мигание, отвратительный зуммер…

Оксана, намылив голову, соскребает кожу на голове ногтями.

Розово-красная кожа на голове Оксаны…

…а на ее лице – пылающее безобразно-большое пятно! Раньше его не было! Похоже на родимое…

Красная мигалка… не загорается! Зуммер – молчит.

Оксана – стриженная «под ноль», в чем мать родила – проходит в узкие высокие ворота «звенелки». Мужчины-дозиметристы смотрят ей вслед.

Из полутемной бани Оксана идет к дверям в ярко освещенное помещение.

Там голые женщины, мужчины, дети разбирают себе одинаковую одежду. Она большими кучами лежит на длинных столах.

Оксана с безволосым черепом, в дешевой уродливой одежде советского производства, в грубых не по размеру туфлях (именно это было «положено» после мойки каждому) выходит из дверей массивного серого дома, построенного в стиле конструктивизма, в эпоху торжества индустриализации.

Складывает вчетверо какую-то официальную бумажку, втискивает ее в карман мятой, слежавшейся по сгибам казенной одежды. *Ни одной вещи – личной, своей – у Оксаны больше нет*.

Идет по улице. Останавливается напротив магазина, зацепившись взглядом за экраны телевизоров, которыми заставлена большая витрина. Во множестве прямоугольников разных размеров – одно и то же: вещает функционер от медицины – упитанный, ухоженный мужчина лет сорока с чем-то.

ФУНКЦИОНЕР ОТ МЕДИЦИНЫ: …для беспокойства нет совершенно никаких оснований. Исключительно в порядке профилактики рекомендуется временно воздержаться от употребления молока и кисломолочных продуктов и некоторых видов овощей и ягод, а также грибов. Окна и двери жилищ лучше держать плотно закрытыми. Несколько раз в день надо делать влажную уборку дома. Женщинам нежелательно выходить на улицу с непокрытой головой. И не выпускайте детей на улицу… Но я хочу еще раз авторитетно заявить, что никаких последствий для здоровья населения, и детей в частности, эта производственная авария на Чернобыльской атомной электрической станции *иметь НЕ БУДЕТ*… Так что абсолютно никаких оснований для паники нет…

Стоя у витрины с телевизорами, Оксана трет красное пятно на щеке.

ОКСАНА (*обращается к прохожему*): А где здесь можно купить… (*В размышлении дотрагивается до своего оголенного черепа.*) Наверное, беретик? Или платок? (*Погружается в глубокое раздумье.*)

Открытие[5]

Год 1896. Париж. Темная комната, залитая тусклым красным светом от фонаря на столе в углу.

Анри Беккерель – мужчина сорока с чем-то лет, с высоким широким лбом мыслителя, с большой аккуратной бородой – осторожно достает из ящика стола черный картонный конверт. На нем лежат два прямоугольных куска уранилсульфата калия – химического соединения урана. Под один из этих кусков подложен металл в форме мальтийского креста.

Беккерель с сожалением рассматривает загубленный, так и не сделанный эксперимент… Было необходимо яркое солнце, а оно поздней осенью в Париже – большая редкость. Поэтому подготовленные для опыта вещества и фотопластина пролежали без дела долгое время. Свойства фоточувствительного слоя со временем меняются – и теперь, не зная их точно, эксперимент с этой пластиной сделать уже не удастся. Однако на этой испорченной фотопластине можно выяснить, как именно, насколько их свойства меняются со временем, – и это позволит в будущем делать более точные опыты…

Беккерель колеблется: может, эта поправка будет совсем незначительной и не стоит даже и возиться? Нет, все же стоит убедиться…

Освещенный багровым светом фонаря, Беккерель вытягивает из грубого черного пакета фотопластину, опускает ее в плоскую ванночку-кювету, в раствор проявителя. Рассеянно смотрит по сторонам, думая о более важных опытах завтра.

…На фотопластине в растворе неожиданно появляется темный прямоугольник! И второй темный прямоугольник – рядом!..

Беккерель изумлен! ОТКУДА?! На эту пластину свет так никогда и не попал, а темнеть фоточувствительный слой может только от него!

…На втором темном прямоугольнике виден светлый силуэт мальтийского креста!..

Беккерель не верит своим глазам! Этого не может быть, для этого нет никаких причин!

Сравнивает изображение на фотопластинке с контурами кусков урана и мальтийского креста, лежащих рядом на черном картонном конверте. Очертания на фотопластинке точно соответствуют этим контурам! Значит, между темными областями фотопластинки и кусками урана и металла должна быть какая-то связь…

Беккерель размышляет… Для такого потемнения фотослоя действительно нет никаких причин. *ИЗВЕСТНЫХ причин*…

Беккерель приходит к таким выводам:

1. Из урана исходит что-то, что проходит даже через плотный картон.
2. Это «что-то», подобно свету, вызывает потемнение фотопластины.
3. Это «что-то» – не вещество, не газ[6]. Это – излучение.
4. Металл является преградой для него: в металле это излучение частично задерживается – проходя сквозь его слой, оно ослабевает. Поэтому там, где на его пути был металл (например, в форме мальтийского креста), фотопластинка засвечена слабее, потемнела меньше – на нее попало меньше излучения.

Излучение с такими свойствами Беккерелю уже было известно…

---

[5] Новелла основана на реальных событиях; см.: *Аверьянова А.В., Луговский В.П., Русак И.М.* Что нужно знать о радиации. Минск: Вышейшая школа, 1992. С. 9–15; *DeGroot G. J.* The bomb: A life. Cambridge, Mass., Harvard Un-ty Press, 2005. P.17; *Ева Кюри. Мария Кюри.* (lib.ru/MEMUARY/ZHZL/kury.txt_with-big-pictures.html).

[6] Это не газ, потому что газ распространился бы внутри всего плотного конверта и потемнела бы вся фотопластина или по крайней мере черные контуры куска урана были бы очень сильно размыты, – а они достаточно отчетливы.

Так была обнаружена

ЕСТЕСТВЕННАЯ РАДИОАКТИВНОСТЬ – свойство тяжелых атомов вещества распадаться, испуская при этом рентгеновское излучение…

Год 1898.

Иоахимов, Моравия[7].

В темном цехе рабочие выпаривают в огромных котлах раствор урановой руды, перемешивают его грубыми деревянными палками. Клубится пар. Как в аду.

Париж.

Обернутые рогожей большие стеклянные бутыли одну за другой вынимают из толстого слоя сена, которыми выстелены телеги, осторожно разворачивают… В этих бутылях – концентрированная жидкость, полученная в Иоахимове. Через двор их заносят в химическую лабораторию супругов Кюри.

Лаборатория эта – местечко еще то! Принадлежит она Школе физики и химии города Парижа, расположена на узкой, темной и безлюдной улице – в самом ее конце, в тупике. Кривое деревце чахнет у забора, истерзанного непогодой. Сюда не долетает городской шум, тут всегда царит мертвая тишина. В ряд стоят застекленные сооружения, похожие на сараи, – длинные, низкие, с запыленные окнами… Когда-то медицинский факультет использовал это помещение для вскрытий, но уже давно признал его негодным даже для хранения трупов.

Внутри «сараев» – полумрак. Пол – земляной, бугристый, местами с ненадежным слоем асфальта. Стены побелены известью, на одной – черная классная доска и несколько газовых рожков для освещения. Ветхие кухонные столы, на них – стеклянная аппаратура различных форм и видов, между ними горят маленькие острые огоньки газовых горелок. С крана падают капли воды. В углу старая железная печка с ржавой трубой. Холодно. Простой работяга не стал бы здесь работать ни за какие деньги.

Зато этот сарай никому не нужен. Поэтому его и отдали супругам Кюри – Пьеру и Марии. И эта пара ученых – молодых, влюбленных, счастливых – работает тут с радиоактивными веществами.

В этом помещении Мария Кюри-Склодовская длительными и чрезвычайно трудоемкими химическими операциями добыла из иоахимовского концентрата новое «что-то» – ранее неизвестный, очень радиоактивный природный химический элемент РАДИЙ.

1900 год. Пораженная кожа. Первый в мире лучевой ожог. Он невелик по размерам.

Удивленный тем, что увидел на правом боку собственного обнаженного живота, Анри Беккерель опускает рубашку, жилет, ощупывает правый жилетный кармашек… И достает из него маленькую запечатанную пробирку с невзрачным порошком. Это – радий, его химическое соединение. Беккерель изумленно уставился на этот обычнейший на вид порошок… Словно впервые его увидел…

Подумав, берет свинцовую трубку со стенками толщиной миллиметров пять, засовывает пробирку в трубку и зажимает торцы плоскогубцами. Капсулу эту он кладет в левый карман жилета. Засекает время. Делает запись в лабораторном журнале.

Через 40 часов вынимает свинцовую трубку с радием из левого жилетного кармана, оголяет живот и осматривает его…

На правой стороне – старый ожог, он очень плохо заживает. А слева на животе, на месте, рядом с которым находилась два дня та же самая пробирка с радием – но обернутая свинцом, – нет ни малейших последствий такого опасного соседства. Нормальная здоровая кожа.

---

[7] Часть современной Чешской Республики.

Беккерель счастливо, широко улыбается, записывает итоги осмотра в лабораторном журнале и тут же набрасывает статью о новом важном открытии в «Доклады Академии наук».

1903 год. У очень точных весов и калориметра (прибора, измеряющего количество выделенной энергии) – Пьер Кюри, высокий худой человек в маленьком потрепанном берете, с сединой в бороде, и его молодой сотрудник Альбер Лаборд, который заканчивает расчеты в лабораторном журнале… Лаборд поднимает голову – медленно, пораженно… Его удивлению нет предела.

ЛАБОРД: Выделилось огромное количество тепла! Теплом, которое образец радия выделил за час, можно растопить кусок льда, равный ему по весу! И вес образца радия не меняется! Радий при этом совершенно не расходуется!!! (*Растерянно.*) Это… Это что же, радий – «вечный двигатель»?! Из радия можно брать энергию вечно?! (*Трясет головой.*) Не может быть! Это противоречит всем законам природы!

ПЬЕР КЮРИ (*улыбается*): Ну, я бы сказал осторожнее: это противоречит всем *известным нам* законам природы! Вероятно, тут действуют другие законы природы, которых мы еще не знаем. Мы скорей всего в этом опыте даже нашими точными весами не можем определить уменьшение массы – настолько оно незначительное…

ЛАБОРД: Но ведь столько энергии выделилось! Значит… Значит, тогда радиоактивный распад – это источник колоссальной – НЕВИДАННОЙ! – энергии!

ПЬЕР КЮРИ (*задумчиво трет нос*): Да, похоже… Научиться бы ее еще добывать… И использовать – с умом, я имею в виду…

ЛАБОРД (*не слышит*): Эх! И мы даже не можем вычислить, сколько именно энергии содержится в радиоактивном распаде. Точности не хватает!

Он просто-таки стенает от отчаяния.

Новелла первая
Дорога в Чернобыль

Круглые темные шарики различных размеров висят в одной плоскости в прозрачной среде.

Среда начинает вращаться – и шарики вместе с ней, по круговым орбитам. Как Солнечная система…

– Смотри, смотри!

– Ух ты!..

«Планеты» вращаются все быстрее…

– О! Так хорошо! Оставь!

«Планеты» движутся своими орбитами с постоянной скоростью…

– Счас! Еще одно!

Сбоку загорается свет – и в лучах «светила» одна сторона шариков начинает блестеть – там «день», – а другая матово-черная – «ночь»…

– А ну, давай еще одно светило сделаем…

– Давай!

С противоположной стороны тоже появляется свет.

– И другого цвета!

…Светило-2 становится красным – шарики-планеты теперь вращаются, освещаемые разноцветными лучами с двух сторон…

– Ну и для полной гармонии…

Клик! Звучит музыка…

Меняются цвета светил…

«Планеты» вращаются – то быстрее, то медленнее…

За пределами «вселенной» – два огромных образа, похожие на искаженно-распухшие человеческие лица.

Довольный голос:

– Кайф!

Другой – иронический:

– *ТВОР-ЦЫ*...

…Небольшая химическая лаборатория с широким светлым окном в торце. Над круглой колбой низко склонились два человека.

Один – русый, атлетического телосложения – Сергей, лет двадцати пяти, в спецодежде – темно-синем халате, уже побывавшем в переделках, с «созвездиями» мелких дырочек, прожженных каплями едких растворов. Второй – старший, с залысинами, Саша – башковитый, крепко сбитый коротышка, в белом, давно несвежем халате, тоже с «галактикой» дырочек.

На лабораторном столе – колбы в ряд, на их стекле синие рукописные номера «1», «2», «3»… – и у стены большой металлический прибор-шкафчик: циферблаты, переключатели, клеммы, разноцветные провода…

На магнитной мешалке, внешне похожей на обычную электроплитку, стоит еще одна колба, от которой не отрывают глаз Сергей и Саша.

Круглые темные шарики различных размеров, от нескольких сантиметров до едва заметных дробинок, слаженно двигаются в ней по круговым орбитам.

Сергей любуется этой искусственной «вселенной» – и поворотом черной кругляшки-регулятора магнитной мешалки меняет скорость вращения «планет».

По обе стороны от колбы – настольные лампы. Саша в такт мелодии меняет цветные квадраты стекла между ними и колбой, и капли-планеты, вращаясь, переливаются разными цветами.

Сергей слегка покачивает колбу рукой: плоскость «вселенной» «дышит», качается влево-вправо: «вселенная», окрашиваясь в разные цвета, подвластна движениям руки человека… Шарики-планеты загадочно мерцают, путешествуя своими орбитами…

САША: Нашли себе игрушку… Взрослые ж мужики! (*Заинтересованно.*) А как это у тебя получилось?

СЕРГЕЙ (*не отрывает взгляда от колбы*): Раствор для эксперимента готовил… Налил сначала разведенную серную кислоту. Потом – органическую жидкость, она растеклась по кислоте каплями сверху. А потом дистиллированную воду долил, к нужному объему доводил…

САША (*подхватывает*): И капли органики плавают на нижнем тяжелом растворе, они легче его – и тонут в чистой воде, они тяжелее ее! И висят в жидкости между этими двумя слоями…

СЕРГЕЙ: Точно! Совпадет же так – по плотности трех жидкостей…

«Вселенная» вращается дальше…

САША: «Природа экономна на причины – и щедра на последствия».

СЕРГЕЙ (*заинтересованно*): Кто это сказал?

САША: Я, разумеется.

СЕРГЕЙ: Ясно… А тебе кто сказал?

САША: Да, был до меня один… Монтень, «Опыты»… А тебе много еще с этим опытов?

СЕРГЕЙ (*без особого энтузиазма*): Да начать и кончить. Одних пробных серий еще неведомо сколько – чтоб в них перспективное направление определить… Если повезет. А потом уже – основные эксперименты…

И только-только он возвращается к колбам готовить растворы дальше, как входит хорошенькая начальница канцелярии Люба.

ЛЮБА (*от двери*): Сергей, тебя к телефону…

СЕРГЕЙ: Сейчас… Вот так – только начнешь…

САША (*цитирует с чувством*): «Вся моя жизнь – это рассказ о том, как я хотел работать и как мне это не удавалось».

СЕРГЕЙ: А это кто?

САША (*с грустью*): Ну, это уже только мое.

ЛЮБА: Я у вас колбу свою помою из-под заварки, хорошо? Чем? Скажите, химики. (*Поднимает колбу – внутри на стекле толстый слой коричневого чайного налета.*) Говорят, это для цвета лица вредно…

СЕРГЕЙ (*идет мимо мойки к двери*): Чтобы быстро – хромовой смесью. (*Достает из самодельной этажерки возле умывальника широкую темную литровую бутылку, на которой надпись:* «H2SO4 конц. + Cr2 (SO4) 3 насыщ.».) Держи. Только осторожно, чтобы брызги одежду не прожгли.

Люба наливает в свою колбу темный тяжелый раствор. Взбалтывает его несколько раз, осторожно сливает назад… Стенки колбы очистились – медленно стекает с них коричневая вязкая жидкость…

СЕРГЕЙ (*голос из коридора*): Алло… Так точно, Швайко… Сергей Владимирович… Так точно, лейтенант запаса. А зачем?.. А вы по телефону сказать не може… У меня времени именно сейчас нет… Ну, может, хоть завтра? Я уже опыт начал… Ну хорошо… Ну, хоть до двух… Да я просто не успею раньше!.. Спасибо. 14.00. Так точно. Е-есть. (*Кладет трубку.*) Черт бы вас всех забрал…

Люба, заинтересованно оглядываясь в лаборатории, кладет пробку сверху на горло коричневой бутылки и *лишь слегка завинчивает ее*. Прополаскивает свою колбу под краном – она теперь блестит как новенькая…

ЛЮБА: Ну, чистота! (*Сталкивается в дверях с Сергеем. Преувеличенно-сочувственно.*) В Чернобыль?

СЕРГЕЙ: На Гавайи! С такой специальностью… И к тому ж как вовремя!

ЛЮБА: Ну, ничё, ты у нас перспективный… (*Оценивающе осматривает Сергея и выходит в дверь с сияюще-прозрачной колбой в руках.*)

Сергей, погруженный в мысли, поглядывает на часы, рассеянно берет и поднимает бутыль с хромовой смесью, чтобы поставить ее на место, *держа за пробку* …и сосуд отпадает от нее! Летит, переворачивается, из него брызгает коричневая хромовая смесь, бутылка с тяжелой жидкостью бьет тонкостенную химпосуду на столике – темный густой раствор разбрызгивается, льется на стол, вниз, на пол – летит на халат, штаны…

Сергей первым же движением ловит бутыль – и в раковину ее! Сбрасывает халат с себя, взгляд на брюки – рукой черпает из белой фаянсовой чаши соду – на штаны! Сода вскипает, желто-зелеными пузырями пенится на ткани… Саша уже рядом, тряпками останавливает потоки коричневой хромовой смеси на столе, щедро сыплет на них соду – она мгновенно вскипает толстым слоем коричнево-желто-зеленой пены… Сергей расстегнул штаны, ящерицей выпрыгивает из них – и с кожи на ногах стирает белой фильтровальной бумагой-«промокашкой» соду, пропитанную бурой хромовой смесью. Бросив Саше «Доставай спирт», начинает промывать кожу под водой… Наконец, протирает ее пористой фильтровальной бумагой – сначала мокрой, потом сухими ее листами… Осматривает поврежденную кожу.

СЕРГЕЙ: Вроде обошлось… (*Протирает красные пятна на коже ваткой, смоченной спиртом; нюхает ее.*) Такое добро переводим…

На стене – шкафчик с красным крестом, в нем пузырьки, таблетки, банка с надписью «Крахмал от ожогов»… Из аптечки Сергей вытаскивает крем, смазывает им пострадавшую кожу.

САША (*ликвидирует разгром, кивает в сторону канцелярии*): Так куда ты теперь?

СЕРГЕЙ: Да в военкомат же… (*Достает из одежного шкафа джинсы.*)

САША: Ты осторожнее, еще и джинсы здесь не прожги… А то в военкомат дойдешь в одних трусах.

СЕРГЕЙ: Там оденут…

Саша поднимает из раковины брюки, которые сбросил Сергей. То, что от них осталось, напоминает рыбацкую сеть.

САША (*с уважением крутит головой*): Быстро выскочил… Ты попробуй отвертеться там…

СЕРГЕЙ: Там отвертишься… (*Ностальгически осматривает свои колбы, выключает магнитную мешалку, оглядывает лабораторию и выходит в дверь.*)

Под потолком помещения – портреты ученых, под ними фамилии: Анри Беккерель, Мария Кюри-Склодовская, Пьер Кюри, Энрико Ферми, Конрад Рентген…

«Планетная система» в колбе постепенно замедляет свое вращение… Гаснет одно солнце, потом – последнее…

«ЗАКОН СССР О ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ».

Это большой плакат под стеклом: крупный черный заголовок – и масса мелкого текста.

Сергей в клетчатой рубашке и джинсах стоит под плакатом, в узеньком загоне для посетителей; синий деревянный барьер отгораживает его от остальной комнаты районного военного комиссариата.

По другую сторону барьера за столом сидит долговязый капитан – замначальника отдела 3 «Офицеры запаса».

КАПИТАН: Фамилия?

СЕРГЕЙ: Швайко. Вы мне сегодня звонили.

КАПИТАН: А-а, да.

Встает, идет в дальний угол. Под стенами комнаты – темно-зеленые несгораемые шкафы: высокие, выше роста человека, доверху заполненные папками. Это личные дела военнообязанных офицеров запаса. Капитан перебирает несколько…

КАПИТАН: Сергей Владимирович?

СЕРГЕЙ: Да.

Капитан возвращается с личным делом в руках, садится и начинает сверять анкетные данные. Чтобы нарушить однообразие этой стандартной процедуры, он спрашивает Сергея вразбивку, и острие его шариковой ручки прыгает с одного листа анкеты на другой.

КАПИТАН: Судимости вы или ваши родственники имеете?

СЕРГЕЙ: Нет.

КАПИТАН: Родственники за границей?

СЕРГЕЙ: Нет.

КАПИТАН: Родители во время Великой Отечественной войны проживали на территории, временно оккупированной врагом?

СЕРГЕЙ: Да.

КАПИТАН: Нужно отвечать «Так точно», товарищ лейтенант… (*Ручка капитана прыгает в начало анкеты.*) Образование?

СЕРГЕЙ: Высшее.

КАПИТАН: Специальность?

СЕРГЕЙ: Химия…

…Большая университетская аудитория залита солнечным светом. За длинными черными партами – первокурсники химфака. Почти все – вчерашние школьники, с летним загаром на юных, еще не огрубевших лицах; у ребят вместо усов – выгоревший пушок. Первый день занятий в университете, первая лекция по их будущей специальности – химии.

На кафедре – низенький пухленький пожилой преподаватель.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ: Что такое химия для вас?

В аудитории наступает тишина: все задумались.

КТО-ТО ИЗ ПАРНЕЙ (*в шутку*): Взрывы!

Взрыв смеха…

ДЕВУШКА (*тоже в шутку*): Нет! Яды!

Смех еще пуще…

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ (*спокойно, размеренно*): Взрыв – это химическая реакция, которая идет *с очень большой скоростью*… Вы узнаете, какие факторы влияют на скорость химических взаимодействий, и научитесь ею управлять… (*Посматривает в окно – там роскошный сентябрьский день.*) А понятие яда в химии – это вопрос *дозы*. Съешьте пачку обычной поваренной соли – и вы отравитесь. А яд – скажем, мышьяк – в малых дозах используют как лекарство… Так что на самом деле все определяет ДОЗА.

Посреди аудитории – юный Сергей, он впитывает эту мудрость.

Рядом с ним какая-то «патологическая отличница» конспектирует в своей толстой тетради – строчит, как швейная машинка:

«Одно и то же вещество может быть полезным или вредным и даже ядовитым в зависимости от его количества, от той ДОЗЫ (*подчеркивает*) **от той ДОЗЫ**, которая подействовала на организм»…

КАПИТАН: Военное образование?

СЕРГЕЙ: Военная кафедра университета…

«СЛУЖБА В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ – ПОЧЕТНОЕ ПРАВО И СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ КАЖДОГО ГРАЖДАНИНА СССР!»

Под лозунгом в аудитории стоит за трибункой кудрявый интеллигентный полковник. За рядами столов – студенты-второкурсники: подстриженные, выбритые, в полувоенных костюмчиках защитного цвета. Конспектируют в секретные тетради – прошнурованные, с нумерованными страницами и печатью секретного отдела.

ПОЛКОВНИК-ЛЕКТОР: Современный общевойсковой бой… есть бой, в котором принимает участие и пехота, и артиллерия, и танки, и авиация – исключительно интенсивный… В среднем солдат рассчитан на 40 минут такого боя… Дальше – или ранен, или убит. «Потерял боеспособность», короче. А на сколько времени в таком бою рассчитан офицер?

Вопрос повисает над аудиторией. Все молчат. Кто там его знает, этот общевойсковой бой…

ПОЛКОВНИК-ЛЕКТОР: …*На 20 минут*. Офицер рассчитан на 20 минут действий на поле современного боя. Вдвое меньше солдата действует в среднем на поле боя его непосредственный командир-офицер… Что абсолютно понятно: убить солдата – это убить одного солдата, а вывести из строя офицера противника – это дезорганизовать действия как минимум взвода, трех десятков солдат… Офицер – всегда более желанная цель для противника. Поэтому любой серьезной армии во время войны нужен огромный резерв младших офицеров… (*Пауза – он осматривает юношей перед собой.*) Вот поэтому мы вас тут и учим…

Юноши-второкурсники в восторге от секрета, который им только что доверили. В головах проносится: «Надо за мир бороться, пока все не началось…» – и тут же куда-то исчезает.

На стенах – скучные плакаты-стенды: «Ядерный взрыв», «Поражающие факторы ядерного взрыва», «Химическое оружие», «Бактериологическое оружие». Стерильно правильные люди в аккуратно пораженном мире…

КАПИТАН: Военная специальность?

СЕРГЕЙ: Командир мотострелкового взвода…

Окоп – мокрый и грязный.

К его передней стенке прижались – в сапогах, ватниках, ушанках – студенты, сейчас больше похожие на зэков-беглецов, с автоматами Калашникова в руках. Внизу окопа, под передней стенкой, перед каждым – или пенек, или перевернутое старое ведро, или просто большой камень, или упертая в стену палка.

Старый, но стройный, подтянутый полковник-фронтовик Второй мировой стоит над окопами. Резко взмахивает рукой:

– В атаку! Вперед!

Ребята, уперев ногу во что перед кем есть – в камень, перевернутое ведро, пенек или кол, – выскакивают на земляной вал-бруствер, перепрыгивают его… И сразу же вязнут по колено в пышно взбитой грязи бескрайнего весеннего танкодрома…

КАПИТАН: Вторая военная специальность?

СЕРГЕЙ (*без восторга*): Командир взвода радиационной, химической и бактериологической разведки…

Бескрайняя степь, раскаленная летним солнцем. По ней разъезжают остроугольные броневики БРДМы и мелкие зеленые «уазики»-джипы радиационно-химической разведки.

Под лесополосой в тени стоят в три шеренги «партизаны»-резервисты, от 20 с чем-то до 40 с чем-то лет. Передний ряд держит в руках развернутые топографические карты – это командиры экипажей. На правом фланге – Сергей, с полевой офицерской сумкой на боку; он чуть ли не самый младший во взводе, которым командует. Перед строем расхаживает капитан, командир роты радиационной, химической и бактериологической разведки.

КОМАНДИР РОТЫ: По продолжительности вспышки от ядерного взрыва рассчитывается его мощность в килотоннах тротилового эквивалента… Формула простая: время сияния в секундах умножить на коэффициент… (*Показывает листочек бумаги с формулой.*)

Из задних рядов доносится хруст внимательно изучаемой карты, шепот: «Смотри-и! За винищем в село, оказывается, можно ходить оврагом! Так на патруль точно не нарвемся!»

СЕРГЕЙ (*беззвучно ругаясь, поворачивает голову назад, показывает кулак, шипит в заднюю шеренгу*): Тише вы…

КОМАНДИР РОТЫ (*продолжает*): …Поэтому при ведении разведки, заметив сияние ядерного взрыва на горизонте, вы должны сразу начать считать секунды, пока сияние не прекратится… Просто считать: *раз, два, три*…

СЕРГЕЙ (*удивленно*): Товарищ капитан! Заметив вспышку ядерного взрыва, нужно немедленно спрятаться в укрытии, чтобы не получить ожогов! И глаза закрыть! Чтобы от сияния не ослепнуть… Как же мы тогда вспышку сможем видеть?!

КОМАНДИР РОТЫ (*веско*): Сияние от ядерного взрыва вы увидите и с закрытыми глазами…

В комнате райвоенкомата капитан кладет на барьер серенький прямоугольник повестки.

КАПИТАН: Распишитесь. (*Сергей расписывается; капитан успокаивающе.*) Там первые три дня в зону не посылают, в лагере будешь сидеть… Дают организму адаптироваться к радиации…

Военный пересыльный пункт.

Перед казармой на плацу – прямоугольником выстроилась масса новичков в хаки, еще без опознавательных знаков. Солдаты в разнокалиберном **б/у**, офицеры – в новой форме. На плече Сергея висит кожаная офицерская полевая сумка.

С высокого тополя, кружась, слетает перышко сойки – в черно-белую полоску, с небесной голубинкой…

СЕРГЕЙ (*ловит перышко в руку, прилаживает к своему кепи; улыбнувшись, соседу*): Будет вместо офицерской кокарды…

Подъезжают три грузовика с большими брезентовыми будками наверху.

«Зеленая солдатская масса» лезет в черные берлоги кузовов, подавая туда за лямки зеленые вылинявшие вещевые мешки… Темно-зеленые грузовики с людьми выезжают из ворот пересыльного пункта. За последним закрываются огромные железные ворота с пятиконечными красными звездами.

Внутри грузовика все сидят поперек кузова – рядами на толстых досках. Дорога длинная. Идет бойкая беседа – свежие анекдоты…

– Слушай еще! В больнице. Спрашивают у санитарки, которая мимо пробегает: «Где у вас тут рентген-кабинет?» А она: «Теперь у нас везде рентген-кабинет!»

– Ха-ха-ха-ха…

– А загадку слышали? Как киевлянина теперь узнать?

– Не… Ну, говори!

– Лысый… Импотент… С тортом «Киевский лучезарный»!

– Ха-ха-ха-ха…

Теплый летний вечер. Колонна проезжает село. Сидят у своих дворов, возле колодцев, задернутых толстым полиэтиленом, на скамьях, на табуретах местные жители. Точат лясы. Смотрят на дорогу – на колонну, в черные пещеры кузовов, освещенные красноватым заходящим солнцем…

БАБУШКА: Солдатики бедные…

МУЖЧИНА (*солидно*): Там и офицеры…

БАБУШКА: Везут и везут на Чернобыль…

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА: Бедные! Это ж они потом…

В проезжающем военном грузовике слышен взрыв хохота.

В машине.

– «Если хочешь стать отцом – заверни конец свинцом»…

– Га-га-га! Вот почему у тебя сумка такая тяжеленная! Свинец прешь!

– Да это продукты! Жена дала!

– Когда-то ей еще придется тебе дать…

– Да ты за меня не переживай!

– За тебя или за твою жену?!

– Слушай еще анекдот! Поехал, значит, мужик туда…

СЕРГЕЙ: СЮДА… Это уже СЮДА, ребята.

Все, словно очнувшись, бросают взгляд через задний борт на село, на кучки местных жителей на скамьях, на покрытые полиэтиленом привидения колодцев.

– Представляешь, каково тут местным?

От кучки сельчан раздается хохот: кто-то рассказал сочный анекдот…

Рядом с трассой Киев – Чернобыль – огромный палаточный лагерь. Ряды квадратных палаток цвета хаки тянутся без конца и края – до темно-зеленой полосы леса на горизонте. Над нею уже поднимается синь ночи.

С автотрассы три крытых грузовика съезжают на противоположную от лагеря сторону – вниз, на песчано-глинистую выровненную площадку; становятся передками под насыпь. Мужчины в хаки разных степеней полинялости выпрыгивают из грузовиков – сначала нехотя, поодиночке, потом сплошным «водопадом», – на земле разминают затекшие ноги… Оглядываются вокруг. Новая, еще слежавшаяся форма на Сергее – словно картонная упаковка…

Из лагеря через насыпь ускоренным шагом идут, бегут – по одному, по несколько – мужчины в хаки.

Едва не попав под колеса автомобиля, первым перебегает трассу худой долговязый лейтенант Пат. Его напарник – толстяк-коротышка сержант Паташон – задержался, пропуская машину.

ПАТ (*мрачно, к новичкам*): В 25-ю бригаду?

НОВИЧКИ (*вразнобой*): Как будто… Как ты угадал?.. Да наверное ж… Угу… Ну а как здесь?

ПАТ (*мрачно*): Хуже не бывает.

ПАТАШОН (*на бегу, широко улыбаясь*): Что, мужики? В 25-ю бригаду? Да ничё тут! Нормально!..

ПАТ (*сосредоточенно*): Труба дело, мужики…

Через трассу бежит еще один местный лейтенант.

ЛЕЙТЕНАНТ (*прямо с трассы, сверху*): Кто в в/ч номер 38652?

ЛЕЙТЕНАНТ-НОВИЧОК: Я…

ЛЕЙТЕНАНТ: Ур-р-р-р-ра! (*Подпрыгивает прямо на дороге; машина тормозит, объезжая его; он, не обращая на нее никакого внимания, ссыпается вниз.*) Ура! Замена! Моя замена пришла! (*Обнимает за плечи и забирает новичка, подхватывает его вещевой мешок и ведет через дорогу в лагерь так, словно новичок-замена – это такая невероятная драгоценность, что ее могут и украсть.*)

За этим наблюдают: Сергей – с удивлением, худой Пат – с завистью, толстяк Паташон – с нескрываемой радостью за местного лейтенанта.

КОТКО-НОВИЧОК (*осторожно*): А сколько вы здесь служите?..

ПАТАШОН: У нас в бригаде недолго служат: месяц-полтора – и домой…

ПАТ: До шести месяцев, братва! Приказ министра обороны…

ПАТАШОН: Какие шесть месяцев? Кто у нас шесть месяцев служил?

ПАТ: Просто от взрыва еще и трех не прошло… Вот увидишь…

ПАТАШОН (*не слушая, продолжает*): У нас все по дозе домой идут… Набрал за 20 рентген – 22–23 обычно – и все, отпускают…

ПАТ: И все! Сажают тебя на фон, и в лагере здесь (*кивает за спину себе*) батрачишь… Днями и ночами!

ПАТАШОН: А офицеры – те после 17 рентген рапорт на замену пишут…

ПАТ: И потом месяцы этой замены ждут. (*Оглядывается с тоской вслед ушедшему лейтенанту и его замене.*)

КОТКО: А как тут… Ну, радиация? Чувствуется как-то?

ПАТАШОН: Да нет! За все время, пока ты тут, разрешено дозу не более 25 рентген – всего лишь половина того, что за сутки можно…

ПАТ: …во время атомной войны… Мужики вон, что поехали, из дому пишут: водит их от радиации, как пьяных…

ПАТАШОН: А за день вообще только 2 рентгена можно, и не более… 25 разделить на два – сколько? 12!

ПАТ (*упрямо, мрачно*): 13.

ПАТАШОН (*продолжает*): Так что и за две недели можно дозу свою заработать, если повезет. И – домой…

ПАТ: Ага, дадут тебе дозу заработать! Вон уже и один рентген за день перестали писать…

ПАТАШОН (*новоприбывшему Котко*): Ты не боись! Начальство само трясется – их же за переоблучение подчиненных знаешь как жучат! Поэтому…

ПАТ: …дозы за работу занижают как могут…

КОТКО: А работа здесь… Какая?

ПАТ (*мрачно*): На АЭС на крыше реактора…

ПАТАШОН (*с энтузиазмом*): Да всякая – и на самой АЭС, и везде по зоне, и в лагере… (*Оптимистично.*) Тут знаешь сколько работы!

ПАТ: На веки вечные…

ПАТАШОН: Батальоны спецобработки, БСО в основном дезактивацией занимаются на АЭС и села моют. А батальон разведки – тот и разведкой, и на АЭС работает…

КОТКО (*осторожно*): А кормят как?

ПАТАШОН (*убежденно*): Не сравнить с обычной армией! Хорошо кормят.

ПАТ: Как на убой…

ПАТАШОН: Да не переживайте вы, мужики! Все нормально…

ПАТ: Эт точно! Все – как всегда… (*Мрачно пророчит.*) Вот увеличат еще максимально допустимую дозу до 50 рентген… А максимальную дозу за день срежут… И будет нам тут всем – полный каюк… ГОД.

ПАТАШОН (*Пат его допек*): Да не каркай ты здесь! Ну, может, за день допустимую дозу и уменьшат… (*Новичкам.*) У военных это «защита от радиации временем» называется…

ПАТ (*мрачно*): Ага. Защитят нас от радиации временем… Годом. Свинцовой крышкой…

ПАТАШОН: Да что ты мелешь?!

И он хватает Пата за грудки – сейчас биться будут!

От трассы сбегает вниз худощавый энергичный парень – ефрейтор Коля: подвижное вытянутое лицо, живой блеск в глазах – и с ходу расцепляет Пата и Паташона.

КОЛЯ: Опять про срок завелись? (*Стоит между ними, крепко держа обоих под руки, и улыбается новичкам.*) Девиз лесорубов знаете? «Врежем дуба раньше срока»! Кто здесь в в/ч № 45979?

КОТКО: А чё вы все без респираторов?

КОЛЯ: Да кто же их в лагере носит?

ПАТ: В них и спать здесь надо…

ПАТАШОН: За 35 километров от АЭС?!

ПАТ (*мрачно смотрит в сторону*): А-а, все равно, какая разница…

КОЛЯ: Ну не пугай ты людей! Так кто в в/ч 45979, спрашиваю?

РОТНЫЙ-КАПИТАН (*он в наглаженной форме*): Я.

СЕРГЕЙ: И я.

КОЛЯ (*радостно*): О! Наконец-то! (*Капитану.*) Командиром роты? (*Тот кивает.*) А вы, товарищ лейтенант, – командиром взвода? (*Сергей тоже кивает.*) Ур-р-ра! А то нас без командиров затерли – ни на АЭС, ни в разведку не пускают, в лагере уже несколько дней отираемся… Дозу не дают заработать!

КОТКО (*осторожно*): И я тоже… А что это за часть?

КОЛЯ (*с гордостью*): Батальон разведки…

КОТКО: Ну попал!

РОТНЫЙ: Я танкист! Как я разведкой командовать буду?

КОТКО: Ну, мне-то работа по специальности найдется…

КОЛЯ: А ты кто?

КОТКО: Военная специальность – повар… И гражданская тоже. (*С гордостью.*) Образование – кулинарный техникум!

РОТНЫЙ (*в сторону, с отчаянием*): И почему я не повар? Почему не поступал в этот техникум? А хотел же… И мама говорила.

Коля, Сергей, Котко и ротный переходят дорогу в лагерь. Оттуда из громкоговорителей несутся слова бодрой солдатской песни: *«Не плачь девчонка, про-ойдут дожди – со-олдат вернется, ты только жди…»*

От лагеря бегут и бегут через дорогу мужчины в хаки, восклицая: «Кто в в/ч номер …? Кто в в/ч № …?»

Следующее утро.

Сергей, в своей новой невыгоревшей, необношенной форме, сосредоточенно и немного неуверенно оглядывается вокруг – на полосу чистой степи, на длинные ряды палаток лагеря поодаль.

Перед ним стоит колонна грязно-зеленых БРДМов с большими белыми двузначными номерами на боках. Из нескольких машин Сергея зовут: «К нам, товарищ лейтенант!»

КОЛЯ (*машет руками с БРДМа № 80*): К нам, товарищ лейтенант! Это командирский броник!

СЕРГЕЙ (*растерянно*): Так у меня еще и респиратора нет!

КОЛЯ: Дадим! У меня в бронике запасной есть!

СЕРГЕЙ (*с отвычки не очень уверенно влезает в броник № 80, бормоча под нос*): «Три дня на адаптацию…» Знаток военкоматский…

Колонна выезжает на шоссе и поворачивает направо. На Чернобыль.

В бронике перед светлыми квадратиками передних окошек – Коля-водитель, ровесник Сергея, сухощавый, подвижный, и на командирском месте рядом – дозиметрист Петро, лет сорока пяти, небольшой, степенный. Сергей сел сзади, на скамейке вдоль борта, повернувшись лицом к темным очертаниям Коли и Петра на светлом фоне лобовых окошек.

Колонна подъезжает к контрольно-пропускному пункту. Здесь что-то достраивают.

КОЛЯ (*притормаживает, на миг поворачивается к Сергею*): КПП «Дитятки». Въезд в зону. Здесь всех останавливают, проверяют.

СЕРГЕЙ: Всю колонну?

КОЛЯ: Нет, военных вообще не останавливают. Ни туда, ни обратно. Так, притормаживаем…

ПЕТРО: Вам какой респиратор – армейский или «лепесток»? Выбирайте, товарищ лейтенант.

С ящичка под рацией он вытягивает два предмета: полиэтиленовый пухлый пакет и светло-коричневый квадратный бумажный конвертик. Из конверта Сергей достает что-то похожее на марлю с белыми завязками и какую-то плоскую конструкцию из пластика, похожую на большую матовую снежинку.

ПЕТРО (*вернувшись, показывает*): Эту «снежинку» в середину вставлять, чтобы ткань форму держала, потом стянуть веревочками (*показывает*) вот так – и можно надевать, завязывать… (*Имитирует у себя на затылке.*).

СЕРГЕЙ: Армейский как-то надежнее…

Достает из своей офицерской полевой сумки перочинный нож, разрезает квадратный запаянный полиэтиленовый пакет, распухший от массы темно-зеленого поролона. Вытягивает армейский респиратор, рассматривает, надевает на лицо – примеряет… М-да, на жаре в нем будет не очень…

Коля и Петро едут без респираторов. Сергей, глядя на них, тоже снимает свой и прячет обратно в полиэтилен и в карман.

Сквозь окошко броника виден въезд в населенный пункт: большие бетонные буквы составляют слово «ЧЕРНОБЫЛЬ».

А рядом, на бетонном заборе, кто-то метровыми буквами написал краской:

«PARADISE LOST. 1986».

КОЛЯ: Что это значит, не знаете? А то ездим, голову ломаем…

СЕРГЕЙ: «Потерянный рай»… Год перевести?

Броник едет околицей покинутого жителями городка Чернобыль.

Стоянка бронемашин разведки в Чернобыле находится на его другой, ближней к АЭС, окраине. Это прямоугольник выгоревшей травы, заезженной колесами. Дальше колосится поле несжатой, осыпающейся пшеницы, зарастающей сорняками.

Три шеренги разведчиков выстроились перед неровным рядом БРДМов.

Мужчины – от молодых парней до пожилых мужчин – в пилотках и кепи, в одежде Советской армии разных времен, родов войск и степени изношенности, кое-кто в фуфайках цвета хаки; нечищеные сапоги, на некоторых – черные ботинки с застежками. Одно слово – «партизаны»… Сергей стоит в первом ряду, за ним Петро, Коля сзади болтает с соседом.

Перед строем – два капитана: «старый» ротный командир заканчивает распоряжаться, рядом с ним стоит новый ротный, прибывший с Сергеем.

СТАРЫЙ РОТНЫЙ: Кому какой маршрут – понятно? По машинам! (*Строй вмиг преображается в муравейник: экипажи пошли кто куда – каждый к своей машине.*) А ну, живей! БЕГОМ – МАРШ!

Никто не побежал.

Броники – кто как, без спешки и порядка – выруливают из ряда, стоявшие задом разворачиваются, выезжают из стоянки на дорогу и поворачивают вправо – к АЭС. На разведку.

Перечеркнутое слово «Чернобыль» – дорожный знак, значение которого – «конец населенного пункта». Мимо него по трассе, в потоке другой крупной строительной и военной техники, по одному, по два проезжают броники.

В машине Коля и Петро надевают респираторы: Коля – белый респиратор-«лепесток», Петро – зеленый армейский. Сергей смотрит на них и тоже надевает свой зеленый поролоновый респиратор.

По трассе Чернобыль – Припять, по обеим сторонам которой – стены мертвого рыжего соснового леса, едет броник.

На повороте дороги напротив факела – бетонной многометровой эмблемы ЧАЭС – останавливается на обочине. Из люка вылезает Петро в зеленом намордник-респираторе, на шее на ремне висит ящичек дозиметрического прибора в свекольно-красном чехле.

Спрыгивает, придерживая прибор, делает пару шагов в сторону… Замирает на месте с полминуты, держа на высоте пояса светлый дюралевый зонд на дюралевой же метровой трубке: меряет радиационный фон.

Сергей, по грудь высунувшись из люка, смотрит сверху.

ПЕТРО (*кричит, не отрывая взгляда от шкалы*): Фон – 12 рентген в час…

СЕРГЕЙ (*бормочет в респиратор*): Ничего себе…

ПЕТРО (*опускает зонд почти до земли, снова нажимает кнопку «Измерение» на приборе, пристально смотрит на шкалу прибора*): Земля… – 15 с половиной рентген в час… (*Трусцой бежит к бронику.*)

СЕРГЕЙ (*подсчитывает*): *Миллион нормальных уровней радиации…*

…Внутри броника, уже тронувшегося с места и резко набирающего скорость, мигает индикатор бортового рентгенометра. Сергей и Петро проскальзывают обратно мимо этого красного мигания. Хлопает люк, внутри становится темно.

КОЛЯ (*Сергею*): Здесь, на повороте, у факела, – наивысшие уровни на этом маршруте… Ты маршрут запоминай, главное. Это работа командира – вести по маршруту. Я что? Я только машиной управляю.

Петро коряво записывает цифры в согнутую пополам затасканную тетрадь в клеточку. К еще короткому столбцу из пар чисел добавляется новая: «12 р/ч / 15,5 р/ч».

СЕРГЕЙ: Давай, буду записывать.

ПЕТРО (*передает тетрадь*): Пишешь фон, а через косую черту – уровень на земле… Понятно?

КОЛЯ (*показывает вперед, в правое окошко*): Вон, смотри, над лесом – это АЭС… А вон то – 4-й энергоблок виднеется…

Над верхушками сосен видно высокую длинную белую индустриальную постройку – ее верхнюю часть; над ней виднеются коробки энергоблоков. Все словно целое, нормальное…

Броник заворачивает в зеленый сосновый лес.

Едет по широкой песчаной дороге на краю села, мимо домов, садов, палисадников… С другой стороны зеленеет мелкий молодой соснячок, он постепенно переходит в густой лес.

Людей нет. Квохчут куры. Жара.

ПЕТРО (*залезает на броник после замера*): 20 *миллирентген* в час. Земля – 27 *миллирентген*…

Под броником откуда-то возникает небольшая собачонка. Тявкает, смотрит вверх на людей. Экипаж высунулся из люков.

ПЕТРО: Нечего тебе дать, бедный…

СЕРГЕЙ (*смотря на собачонку – по слогам, как ребенку*): Не-ту… Не-ту ничего…

КОЛЯ (*с досадой*): Ничего с собой не взяли! Надо же такому! Обычно всегда возим с собой что-нибудь перегрызнуть – кто знает, куда и на сколько нас занесет…

Брошенная, одна во всем селе собака, задрав морду, смотрит на людей *такими* глазами…

КОЛЯ (*неожиданно*): Стой! Кажется, у нас там когда-то… (*Исчезает в люке.*)

Засохший бутерброд летит вниз – собака хряскает его на лету.

Смотрит вслед уезжающему бронику…

Идет обратно к своему дому.

Броник на трассе, не доезжая пару сотен метров до следующего села (въезд в которое перекрыт полосатым черно-белым шлагбаумом), притормаживает. Останавливается, сдает задом на асфальтированный съезд к зеленому сосновому лесу, глушит мотор. Петро вылезает, за ним спрыгивает Коля, снимая респиратор; потом Сергей.

ПЕТРО (*в респираторе, меряет*): 29 миллирентген в час… Земля – 32. (*Закрывает чехол прибора, снимает его с себя, ставит на броню.*)

КОЛЯ: Конец маршрута. Перекур. (*Достает сигареты.*)

Сергей записывает последнюю пару цифр – «29/32» и прячет тетрадь. Работа окончена.

С облегчением снимает свой респиратор, убирает его в пакет из толстого полиэтилена, прячет в карман. Вытирает тыльной стороной ладони вспотевшее под респиратором лицо.

Все заходят за броник, расстегивая штаны.

Струится горячий воздух над разогретой зеленой броней. Льется жидкость.

ГОЛОС СЕРГЕЯ: А чо мы прячемся? Все равно никого нет.

Вокруг совершенно безлюдная дорога и местность.

ГОЛОС ПЕТРА: Воспитание… Условный рефлекс.

ГОЛОС КОЛИ: О, наконец-то могу считать себя ОЧЕНЬ воспитанным человеком! А ты кадровый офицер?

Выходят из-за машины.

СЕРГЕЙ: Нет. Из запаса. Тоже партизан.

КОЛЯ: А чо ж у тебя сумка офицерская? Она здесь только у кадровых есть…

СЕРГЕЙ: С прошлых военных сборов стянул. Как благодарность от командования… Привык к ней. Очень удобная оказалась…

ПЕТРО: Жаль будет выбрасывать после Чернобыля…

КОЛЯ: А по специальности ты?..

СЕРГЕЙ: Химик… А ты?

КОЛЯ: Шофер.

СЕРГЕЙ: А дома?

КОЛЯ: Шофер, он и в Африке шофер… Машины только разные… Я «Урал» дома вожу с будкой: бригада ездит по трассе газопровода, следим, ремонтируем… По всей Сумской области. Я в Ахтырке живу. А ты откуда?

СЕРГЕЙ: Из Харькова.

КОЛЯ: У нас в бригаде много офицеров-харьковчан… И с Днепра тоже. А в основном народ из Сумской, Черкасской, Черниговской областей.

ПЕТРО: Из Полтавской…

КОЛЯ: Да со всей Украины. Это в нашей бригаде, 25-й. А чуть ближе нас по трассе до зоны – 26-я, там москвичи. А в других направлениях от зоны – мы ездили, видели, – там другие военные округа: прибалты, молдаване… Весь Советский Союз, короче.

ПЕТРО: А я из Черниговской, Коропский район. Село Попарница. Землемер. (*Хмыкает.*) И тут «землю» меряю… А также «фон». (*Сергею.*) Вот ты химик… Ты в радиации сечешь?

СЕРГЕЙ: Учили.

ПЕТРО: Ну а эти 29 миллирентген в час здесь – это как? Мало? Много?

СЕРГЕЙ (*пожимает плечами*): С чем сравнивать… Много… (*Прищурившись, высчитывает.*) В 2000 раз больше нормального природного уровня радиации…

ПЕТРО: Ого!

СЕРГЕЙ (*еще раз пожимает плечами*): И мало, чтобы лучевую болезнь получить. Острая лучевая болезнь – это СОТНИ набранных рентген, начиная где-то от 200… Ну, от 100 – легкая форма… А 400–600 рентген – это уж точно… А нам здесь сейчас, чтобы всего лишь один рентген набрать на этих 30 миллирентгенах в час, надо 33 часа проторчать…

КОЛЯ: Да, замечательное здесь место, что и говорить… Но все равно мы так долго торчать здесь не будем, ладно? (*Отбрасывает окурок, надевает респиратор и выдирается на броник, за ним – Сергей.*)

ПЕТРО (*в спину залезающему Сергею*): А вот в еде эта радиация – ну, все эти… радионуклиды… Их кипячение убивает? Ну, как обычную заразу – при варке, жарке?

СЕРГЕЙ (*уже в бронике*): Нет… Зараза, инфекция – это живое, оно от высокой температуры погибает. (*БРДМ трогается.*) А радиация – это свойство самого вещества, неживого, – его атомов… Их ядер – центров атомов, если уж быть совсем точным… И вся эта кулинарная жарка-варка их никак не затрагивает. И если пыль или вода с радиацией попали на продукты, готовить из них нельзя, есть их нельзя. Воду загрязненную пить нельзя… Поэтому колодцы и закрывают пленкой – защищают воду в них от радиоактивной пыли. И респиратор потому же носят: чтобы пыль в легкие – и в рот тоже, а оттуда в желудок – не попадала… Чтобы организм изнутри не облучался. Облучение внутреннее, изнутри – оно коварнее. Вот здесь, в разведке, мы проскочили высокий уровень радиации, какую-то дозу получили – и все, больше уже не получим. А вот то, что ты внутрь хапанул, – оно уже с тобой остается, внутри тебя все время облучает… Причем ни кожей, ни одеждой – ничем от облучения изнутри собственного тела ты уже не защищен…

По пустынной трассе броник въезжает в зеленый лес.

КОЛЯ (*Сергею*): Ты бы здесь уже надел респиратор…

ПЕТРО: И что, вот то, что мы наглотаемся, – ВСЮ ЖИЗНЬ будет нас облучать?!

КОЛЯ (*лукаво блеснув глазами*): Существенно ее сокращая…

СЕРГЕЙ: Нет, только некоторое время – пока организм не выведет или само не распадется… Но зачем еще и это, изнутри, если от него можно легко защититься?

Броник едет среди зеленого леса, потом рыжего… Проезжает поворот у факела… Как почти все новички в этом необычном месте, Сергей борется со своей неуверенностью, демонстрируя себе и другим свое – пока только теоретическое – «знакомство с вопросом».

СЕРГЕЙ: Дети – те уязвимее взрослых: они быстро растут, у них клетки делятся чаще, чем у взрослых… А плод, тем более зародыш – еще уязвимее: у него деление клеток еще интенсивнее… И потом, одна ошибка при разделении может привести к куда более тяжелым последствиям… Чем ближе к моменту зачатия – тем опаснее. Хорошо, что все живое сделано «с запасом», может само себя защитить.

ПЕТРО: Иначе, наверно, никакой бы жизни не было…

Мертвый рыжий лес закончился. В зеленом сосняке на развилке трасс броник вливается в поток транспорта, который едет от АЭС прочь – в направлении городка Чернобыль, на выезд из зоны.

Через лобовые окошки броника экипаж молча наблюдает, как навстречу мощно катит плотный поток транспорта – к АЭС.

Коля курит, и дымок тянется в открытый люк наверху. Все уже без респираторов.

ПЕТРО: Слава богу, мы взрослые… (*Сергею.*) А у тебя дети есть?

СЕРГЕЙ: Не-а.

ПЕТРО: У меня двое. Сын в седьмом классе. А дочке пять годков… Буквы почти все уже знает… Я ей письма пишу (*улыбается*) печатными буквами. Пусть читать учится. По письмам папы с Чернобыля…

КОЛЯ (*не поворачивая головы от трассы*): У меня тоже двое спиногрызов: год и три… Малы́е, а фрукты уже те… В папочку…

За окошком – тротуары городка Чернобыль, засыпанные грушами, яблоками, абрикосами – сплошным ковром никому теперь не нужных плодов земли…

ПЕТРО: И откуда эта беда взялась на нашу голову?

Центральная улица Чернобыля – влажная, вымытая, трава на газонах вычесана струями машин-поливалок. Толпа напоминает кадры из фантастического фильма: белые костюмы и чепцы «науки», защитные робы военных, разноцветные спецовки: Минэнерго, Минмонтажспецстрой, Мингео… Одни мужчины. Почти все без респираторов.

И вдруг – нормально одетый мужчина! – простое загорелое лицо, клетчатая рубашка, пиджачок – невероятный пришелец из другого мира… Растерянно оглядывается в этой буднично-фантастической чернобыльской толпе…

КОЛЯ: Инопланетянин!

ПЕТРО (*сочувственно*): Местный… бывший…

Проходят – в неуклюжих строительных спецовках – две женщины.

СЕРГЕЙ: Да… Красивые женщины нам в Чернобыле не грозят…

ПЕТРО: Говорят, что и после…

КОЛЯ: Ну, это мы еще посмотрим… Если такая, что не на что смотреть, – то я тогда и до Чернобыля пару раз был тяжело облучен…

СЕРГЕЙ (*задумчиво трогает волосы, усы*): А где тут можно ликвидировать эти пылесборники? В Чернобыле красоваться явно ни перед кем…

Карие очи, каштановые брови вразлет. Сильные тугие руки. Уверенная осанка… Одно слово – красавица.

В белом спецкостюмчике – брючки и курточка смотрятся на ней чрезвычайно элегантно – стоит девушка напротив большого зеркала в парикмахерской городка Чернобыль. Лица ее почти не видно: белая шапочка на голове, белая марлевая повязка.

В парикмахерском кресле – Сергей, он повязан белой простыней под подбородок.

Девушка уверенно поднимает машинку к его голове… Проводит аккуратный ровный широкий «меридиан» – от лба до затылка… Стрижет под ноль: проходами жужжащей машинки снимает полосу слева, полосу справа… Слева – справа… Волосы остаются лишь по бокам, и Сергей становится похожим на лысого пожилого мужчину.

Стрижет девушка умело… Между белой шапочкой и повязкой – только глаза и брови…

Сергей неотрывно смотрит… Отводит глаза, когда она смотрит на него в зеркало, оглядывая работу.

Во всех движениях девушки и прикосновениях ее рук – столько женской теплоты и материнской жалости… Вот еще один парень прибыл сюда – на радиацию, на ликви-

дацию… Руки уверенно, четко поворачивают голову… Жужжит машинка, падают густые русые волосы на пол… Скользят теплые руки… Бездонные озера глаз под бровями вразлет… Девушка, остановившись, смотрит в зеркало, придирчиво рассматривает результат. Ноль внимания на примагниченный к ней взгляд Сергея.

ДЕВУШКА: Теперь – усы. Пожалуйста…

Чуть отклонив назад голову Сергея, ликвидирует его усы.

Безволосое лицо Сергея выглядит еще моложе, почти по-детски – незагорелый белый округлый череп…

Сергей поднимается. Целый день он сегодня видел грубые угловатые многотонные бронемашины, массы людей в измятом хаки, грязно-зеленый дозиметрический прибор, взлетающую стрелку… И ничего *красивого*…

СЕРГЕЙ: Спасибо… (*Мнется.*) А можно вас попросить… снять респиратор? Если можно…

ДЕВУШКА: Это марлевая повязка.

СЕРГЕЙ: Я знаю, я пошутил… И это защитное сооружение на голове?.. (*Неуклюже шутит.*) Здесь уровень позволяет… Заверяю как радиационная разведка.

ДЕВУШКА: Больше ничего?

Сергей, залившись румянцем, пожимает плечами, отрицательно трясет лысой головой… Как мальчишка, вконец растерявшийся в этом Чернобыле…

ДЕВУШКА (*горько хмыкнув своим мыслям*): А не пожалеете?

СЕРГЕЙ (*встрепенувшись, удивленно смотрит на нее*): Почему? Нет, конечно…

Девушка резко стряхивает белую шапочку с головы…

Короткие, как после тифа, волосы.

…И срывает марлевую повязку…

Безобразное красное пятно на лице.

Это Оксана.

СЕРГЕЙ (*чуть растерянно*): С-спасибо… (*Пытаясь скрыть растерянность.*) А вы откуда?..

ОКСАНА (*с вызовом*): Ниоткуда. Я местная.

СЕРГЕЙ: Но всех же выселили…

ОКСАНА: Я вернулась. Домо… (*И, вдруг что-то вспомнив, смолкает.*)

Безволосый Сергей, в робе защитного цвета, и Оксана, в белом костюмчике, с ореолом коротеньких каштановых волос, стоят посреди парикмахерской, на фоне открытых дверей на улицу, откуда льется свет… Везде люди, ждущие своей очереди, кто-то говорит по телефону, стоя у тумбочки: «Да… Да… Да нет… Хорошо… Ну сколько раз можно говорить? Нет…» Заходит с улицы Коля, ему надоело ждать.

Сергей и Оксана стоят и смотрят друг на друга, за ними поодаль у дверей – Коля, с округлыми от удивления глазами…

…Стриженный наголо молодой человек выглядит сейчас как подросток – и остриженная молодая женщина, тоже напоминающая девочку-подростка…

Сергей оглядывается вокруг: Коля, люди кругом… Сказать ей?.. Что?

Миг прошел.

ОКСАНА (*отворачивается к своему креслу*): Вам – туда. (*Пренебрежительно машет рукой к выходу.*)

Там, за столиком, сидит кассирша Юля.

Она, мягко говоря, далеко не красавица.

Вечереет. От технических парков – огороженных колючей проволокой прямоугольников, внутри которых стоят «транспортные средства» воинских частей, – Сергей, Коля, Петро

и другие разведчики входят в палаточный лагерь 25-й бригады. С репродукторов на столбах льется: *«Через две зимы, через две весны – а-атслужу два года и вернусь…»* Навстречу – подполковник.

ПОДПОЛКОВНИК (*обращаясь к Сергею*): Славик…

СЕРГЕЙ (*удивленно*): Меня не Славик зовут…

ПОДПОЛКОВНИК: Я сказал «солдат». Солдат, как здесь в штаб бригады пройти?

СЕРГЕЙ: Не знаю.

КОЛЯ (*живо*): Вы не в ту сторону лагеря идете – это (*указывает на ряд больших палаток*) штабы батальонов… Во-он, товарищ подполковник (*указывает в противоположную сторону*), видите, за рядами палаток, дальше, видите – за генеральской линейкой, под лесом – три палатки? Это штаб бригады.

В палатке офицеров роты разведки.

СЕРГЕЙ: Старшина, мне надо звездочки на погоны… Я просил вчера…

СТАРШИНА (*обалдевший от забот, вспоминает*): Ага, да…

Лезет в карман, добывает и протягивает на ладони…

…четыре тускло-защитные маленькие офицерские звездочки.

СЕРГЕЙ: Еще б парочку…

СТАРШИНА (*улыбается*): Думаешь, тебе тут так сразу старшо́го лейтенанта кинут?

СЕРГЕЙ (*смущается*): Нет, я про запас – они вечно ломаются, теряются…

СТАРШИНА: Береги! Прикрепляй надежно… Больше нет. Еле-еле и эти в четвертой роте выпросил. (*Устало улыбается.*) Тут только и смотри, чтоб звездочки не потерять. (*Шутит.*) А то разжалуют в младшие литёхи… Тогда лишние отдашь.

СЕРГЕЙ: А за что?

СТАРШИНА: Да хотя бы за незаконные объезды ПУСО… Что, еще не объезжал? Значит, все еще впереди… Или товарищу капитану тогда отдашь, ему пригодятся, он точно на повышение пойдет… (*Пряча лукавую улыбку, кивает на капитана и подмигивает Сергею.*)

СЕРГЕЙ (*сбрасывает с себя куртку военной формы ВСО*[8]*, неловко*): Товарищ капитан… м-м… а как их здесь приклепывать?

РОТНЫЙ (*неодобрительно поглядывает на Сергея – такое пренебрежение к святому для военных процессу! Вытаскивает из кармана спичечный коробок, размечает им чистые полоски-погоны, вшитые в плечи куртки Сергея*): Отсюда коробка – по длине… Ширина – отсюда и отсюда тоже… А так – толщина…

Сергей измеряет коробкой, ставит шариковой ручкой точки.

Пожилой солидный прапорщик-замотех (заместитель командира роты по технической части) лежит на кровати, задумчиво глядя в потолок.

ПРАПОРЩИК-ЗАМПОТЕХ: Товарищ капитан, у меня к вам – вопрос насчет дозы… Мне б на АЭС завтра съездить, а? Контейнеры с мусором погрузить или еще что-нибудь? (*Мечтательно.*) Мне бы пару рейганов[9] поймать…

РОТНЫЙ: А сколько у тебя?

ПРАПОРЩИК: Да еле 10 – а я здесь уже больше месяца… Неужели мне здесь шесть месяцев постель казенную мять? (*Кряхтит.*) Попался старый…

РОТНЫЙ: А на АЭС по сколько пишут?

ПРАПОРЩИК: Да меньше рейгана оттуда не привозят.

---

[8] Военно-строительный отряд.

[9] Тогдашний президент США Рональд Рейган и руководство СССР друг друга, мягко говоря, очень не любили. Рейган обозвал СССР «империей зла», а советские СМИ изображали Рейгана исчадием ада, над чем народ даже подсмеивался. В 25-й бригаде трудновыговариваемые *рентгены* полученной дозы назвали (не без ухмылки) *РЕЙГАНАМИ*.

РОТНЫЙ: О, так езжай на АЭС за досками и проволокой для роты! Там, говорили, этого добра навалом! Ток сюда проведем, свет, столик здесь сделаем… На стройплощадке рядом с АЭС – всего столько есть… (*Загорается.*) И я тоже поеду! Обустроимся тут как надо!

СЕРГЕЙ: Товарищ капитан, да оно же все радиоактивное!

РОТНЫЙ: Ч-ч-черт! А я и не подумал…

Шилом своего складного ножа Сергей дырявит отверстия в погонах, засовывает туда длинные ножки звезд. С нижней стороны погона разгибает их, разравнивает по ткани, расклепывает колодкой ножа…

В это время на перекуре возле палаток роты.

КОЛЯ (*оглянувшись, не без гордости сообщает*): А наш командир, ребята, ничего! Не успел в Чернобыль попасть, а уже бабу снял. Там парикмахерша с та-а-акой фигуркой!

ПЕТРО (*неодобрительно*): Кому что! Главное – он, похоже, толковый…

КОЛЯ: Так а я ж о чем говорю!

Сергей надевает куртку, поводит плечами… То ли привыкает к погонам со звездочками, то ли хочет их с себя стряхнуть.

«Куча 1»[10]

После открытия Беккереля прошло почти два десятилетия. Началась Первая мировая война – невиданная, немыслимая ранее, совершенно непохожая на все предыдущие войны на планете Земля. Прогресс науки и промышленности привел к росту скорострельности и огневой, взрывной мощи оружия, в новой войне употреблялись химические вещества – отравляющие, душащие, парализующие насмерть, – война впервые велась не только на суше и на только на поверхности морей и океанов, но и под водой, и над водой, и над землей – в воздухе. За четыре года только в боях Первой планетарной войны погибло 10 миллионов человек, и еще бесчисленные десятки миллионов умерли от ран, холода, голода, болезней… Война повергла планету в нищету, хаос и дикость, во многих странах произошли вооруженные захваты власти, революции, вызвавшие новые войны – уже внутренние, гражданские. Изменились границы, правительства, страны. В нескольких из них пришли к власти режимы, которые начали массово уничтожать своих собственных граждан, запретили им выезжать за пределы своих стран, стали лихорадочно, целенаправленно вооружаться, завоевывать соседей…

Вот так, вначале незаметно, началась Вторая мировая война. В нее будут так или иначе вовлечены все страны, все население планеты Земля, и будет эта война куда более масштабной и кровопролитной: за шесть лет Второй планетарной войны только в боях погибнет больше 30 миллионов людей…

Но этого еще никто не знает. Идут первые месяцы боевых действий.

Год 1939.

Нью-Йорк, Колумбийский университет.

Здесь работает Энрико Ферми, физик. Ему недавно удалось сбежать из родной Италии, где начали править фашисты. Физик был награжден Нобелевской премией за достижения в изучении радиоактивных элементов, получил от итальянских властей разрешение поехать с женой в Швецию получать премию, и…

Теперь за окном его кабинета – простор Манхэттена. Ферми напряженно, увлеченно заканчивает какие-то расчеты. Остолбенело смотрит на их итог. Поднимает голову от расчетов, изумленно складывает свои ладони чашей, завороженно смотрит на них, совершенно по-новому оценивая ограниченный ими объем… Он никак не может поверить чему-то.

Потрясенный, берет с полки теннисный мячик и тоже рассматривает его так, словно видит впервые. Показывает коллеге.

ФЕРМИ: Слушай! Кусок урана, меньше этого мячика, дает столько же энергии, сколько 15 *тысяч тонн взрывчатки*! ПЯТНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ТОНН! Нет, ты только представь себе эту гору – *пятнадцать миллионов килограммов тротила*! Такого даже не представишь! А тут – пожалуйста… Взрыв шарика урана таких размеров – и это все перестанет существовать!

Ферми и коллега смотрят на огромный город Нью-Йорк за окном – и на маленький мячик… Вещи вроде бы абсолютно несоизмеримые. Однако расчеты Ферми точны!

---

[10] Новелла основана на реальных событиях; см.: *Murray R.L. Nuclear energy: An introduction to the concepts, systems, and applications of nuclear processes. 4th edition. Oxford: Pergamon Press, 1993. P.184; DeGroot G. J. The bomb: A life. Cambridge, Mass., Harvard Un-ty Press, 2005. P.35, 45–46; Encyclopedia Britannica Online*.

Год 1942. Вторая мировая война в разгаре.

Город Чикаго, Соединенные Штаты Америки.

Помещение небольшого цеха. Это, собственно, зал для игры в сквош[11], расположенный под трибунами стадиона университета Чикаго.

Здесь должна состояться первая попытка пуска первого ядерного реактора, который называют во всех документах «*pile 1*» – «куча 1».

Об этом эксперименте руководство университета ничего не знает. «Не надо говорить людям того, что они не могут понять… Потому что они это запретят» – так объяснил это один из физиков-организаторов и добавил: «И будут неправы».

В углу сквош-зала – огромный куб высотой в несколько человеческих ростов, сложенный из блоков графита. Внутри его размещены шары из урана и его окиси.

Организаторы эксперимента знают, что ядерный взрыв такой конструкции невозможен. Но они также знают, что если при работе реактора выделится слишком много энергии, то получится «обычный» взрыв, который разнесет на кусочки и саму эту «кучу», и спортзал, да еще и университетский стадион в придачу. А радиоактивные обломки и пыль загрязнят неизвестно какую территорию…

Поэтому приняты серьезные меры безопасности.

Если распад ядер урана пойдет слишком быстро и появится угроза взрыва, в «кучу» автоматически опустится предохранитель – стержень из кадмия, который затормозит распад.

Какими бы надежными ни казались автоматы, они все ж безмозглые, поэтому следующий предохранитель от них не зависит: над «кучей» на веревке висит еще один кадмиевый стержень с грузом-болванкой внизу, рядом стоит инженер с топором. При необходимости этот квалифицированный человек перерубит бечевку, стержень упадет в «кучу» – и кадмий остановит цепную ядерную реакцию.

Но и это еще не все! Наготове чрезвычайное средство – изрядные емкости с «тормозящим» раствором соли того же кадмия. Этот раствор выльется на «кучу», если опасная ситуация все же возникнет…

У подножия «кучи» стоит техник и – понемногу, очень осторожно! – сантиметр за сантиметром начинает извлекать из нее управляющий стержень – грубую деревянную палку, обернутую кадмиевой фольгой: именно она сдерживала реакцию в «куче». Эксперимент начался.

Чем дальше техник вытягивает стержень, тем чаще и чаще происходит в «куче» распад атомов урана: частицы распавшихся ядер разлетаются, разбивают следующие ядра, частицы от этих новораспавшихся ядер разбивают ядра следующих, их частицы – следующих, и так, «размножаясь» веерообразно, растет с каждым мигом число распадов ядер в «куче».

Цепная реакция набирает силу.

Чаще и чаще щелкают счетчики распадов…

ШУМ В ТОЛПЕ ПРИСУТСТВУЮЩИХ: Пошла. Разгоняется…

В группе ученых – одни мужчины. Энрико Ферми делает вычисления на логарифмической линейке – вычислительном устройстве, на первый взгляд похожем на обычную линейку. На ней в эпоху до компьютеров и калькуляторов делали расчеты впечатляющей сложности!

ЭНТУЗИАСТ (*к Ферми*): Это начало новой эры, маэстро Ферми! Энергия, освобожденная из ядра атома, продвинет человека к другим планетам, к звездам! К внеземным цивилизациям, к другим мыслящим существам!

ФЕРМИ (*напряженно наблюдая за «pile 1», скептически*): А есть ли они, эти внеземные цивилизации? Никаких вестей от них мы до сих пор не получили…

---

[11] Игра в специальных залах для двоих игроков (или двух пар игроков) ракетками наподобие бадминтонных и небольшим резиновым мячиком.

ЭНТУЗИАСТ: Ну их же не может не быть, если рассуждать логически: Вселенная – бес-ко-неч-на! Значит, в ней есть – ВСЕ…

ФЕРМИ: Трудно спорить с бесконечностью (*он иронически оглядывает своего наивного собеседника*) проявлений Вселенной… Но сигналов все же нет.

ЭНТУЗИАСТ: Ну и как вы объясняете это противоречие, профессор?

ФЕРМИ: Ну, хотя бы так… (*Продолжает подсчеты.*) Все цивилизации, которые достигают высокого технологического уровня, неизбежно уничтожают сами себя еще до того, как смогут подать весть о себе… (*Задумчиво смотрит на «pile 1».*)

Энтузиаст морщится, словно съел кислую грушу… Смотрит на «*pile 1*».

Техник в сером халате все дальше и дальше вытягивает из конструкции палку, обернутую в кадмий…

Лавина распада набирает силу. Щелчки счетчика распадов становятся сплошным, непрерывным треском.

Все больше атомов урана распадается каждое мгновение – и, значит, все больше и больше распадов происходит в каждый следующий миг… Лавина распадов атомов разворачивается.

Треск счетчиков превращается в рев. Почти сразу – в визг.

Их отключают. Для регистрации скорости распада включают самописец.

В абсолютной тишине, неожиданно заполонившей цех, присутствующие неотрывно следят, как на разграфленной бумаге движущееся перо самописца карабкается все выше и выше – все круче и круче…

Каждые две минуты мощность возрастает вдвое… Девяносто минут эксперимента в таком режиме, и мощность «кучи» достигнет миллиона киловатт! Мощности реакторов (того же чернобыльского), которые научатся строить через только десятилетия! «Куча» не выдержит такого бешеного выделения энергии…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 59,90р. (на 01.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картойами или другим удобным Вам способом.